

Каковы силос и дурьян на вкус?

Итак, осенью 1951 года усовские колхозники впервые заложили на зиму кукурузный силос, и он, согласно технологии, к ноябрю как следует забродил. Любопытный, порой до невозможности, отец решил попробовать, чем он так прельщает скотину, каков кукурузный силос на вкус. Наверное, это у нас в крови. Я тоже не могу удержаться и пробую все подряд. Не раз мой желудок расплачивался за неумеренное любопытство.

Отец попросил охранников выковырять из силосной массы пару початков кукурузы и принести ему на пробу. Приказ есть приказ, причуд за свою службу сотрудники Управления охраны навидались немало. Возвращаясь с добычей, они держали кукурузные початки на вытянутых руках подальше от носа, от них здорово несло кислятиной. Отец заколебался, но характер выдержал и односложно бросил: «Варите». Через полчаса по дому распространились неаппетитные запахи, но никто из домашних происходящее не комментировал. Сели за стол к обеду. Подавальщица принесла фарфоровый супник, плотно закрытый крышкой, и поставила перед отцом. Он приоткрыл крышку и непроизвольно поморщился от, мягко говоря, своеобразного аромата. Какое-то время отец разглядывал в супнике выглядевшие весьма аппетитно початки. Вот только запах... Он закрыл супник крышкой, попросил: «Убедите» и принялся за свою диетическую вареную рыбу с вареными же овощами.

Эта история напомнила мне другой эпизод, связанный с пробой чужих деликатесов, произошедший десятью годами позже. В феврале 1960 года отец собирался с официальным визитом в Индонезию. Мне посчастливилось в этой поездке сопровождать отца.

Чтобы сделать рассказ полней, начну издалека. Отец с детства привил мне любовь к природе. В Украине, в Межигорье я, затаив дыхание, следил за битвами жуков-олений, охотился на бабочек, мечтал поймать самую главную из них – большую ночную павлиноглазку. По вечерам восхищался пируэтами охотившимися за мотыльками летучих мышей. Постепенно у меня собралась весьма приличная коллекция бабочек, в основном подмосковных.

За прошедшие со смерти Сталина годы в стране многое изменилось. Никто уже не утверждал, что все мало-мальски достойное имеет российские и только российские корни, что все изобретения происходят из России, что даже слоны родом из Сибири, потому что там когда-то бродили стада их родственников-мамонтов. На прилавках магазинов появлялось все больше переводных книг. Я не пропускал ни одной публикации о природе, особенно тропической. Одна из них – описание путешествия английского натуралиста XIX века Альфреда Уоллеса по тропическим лесам Индонезии. Там Уоллес пришел к концепции изменчивости видов, эволюционного развития всего живого, но с публикацией чуть-чуть запоздал и уступил право первооткрывателя Чарльзу Дарвину. Прочитанная мною книга об Уоллесе изобилвала фантастическими деталями. Особенно меня поразило описание сказочного фрукта с экзотическим названием «дурьян». Дурьян – плод величиной с дыню, покрытый наподобие конского каштана, колючками, растет на дереве, и божественный вкус этого фрукта, напоминающий одновременно землянику и банан, несмотря на не очень аппетитный запах, по словам автора, сводит с ума всех обитателей джунглей. Тигры, заметив дурьяновое дерево, дожидаются, когда созревший дурьян упадет и расколется, вступают в смертельную схватку за право полакомиться свалившимся с небес деликатесом.

Накануне отъезда в Индонезию я посоветовал отцу прочитать книгу Уоллеса.

С первого дня визита я из окон автомобиля, следовавшего в кортеже по улицам городов и селений, жадно вглядывался в горы незнакомых фруктов, которыми торговали на придорожных импровизированных базарчиках. Я мечтал увидеть дурьян. Возможно, я его и видел, но не узнавал, представление о нем из книги об Уоллесе я вынес весьма расплывчатое. В резиденции, где разместили отца, нас угощали различными неслыханными и невиданными

фруктами, но не дурьяном. Я пару раз заикнулся о дурьяне, но хозяева только покачивали головами. Я уже стал подозревать, что дурьян – это миф, выдуманная Уоллесом тропическая сказка. И вот однажды я увидел из окна машины сложенные на тротуаре горки больших желтоватых шишковатых плодов величиной с голову ребенка, чем-то напоминавших рисунок из моей книги. Взволнованно я стал тыкать в окно пальцем. Сидевший рядом индонец, равнодушно произнес: «Дурьян». Оказалось он существует, дурьян – не миф, не выдумка Уоллеса, а реальность и, наверное, сейчас в пору его созревания, где-то в джунглях тигры сходятся в поединке за право полакомиться его мякотью. Тем временем машина миновала придорожный базарчик, кортеж следовал по предписанному протоколом маршруту. Но главное, я убедился, что дурьян существует, его можно попробовать, надо только преодолеть непонятную индифферентность во всем другом столь гостеприимных хозяев. Вечером я рассказал отцу о своем открытии. На следующий день уже отец расспрашивал Сукарно, правду ли пишут в книгах, что растет в джунглях плод дурьян, за право полакомиться которым дерутся даже тигры?

– Дурьян у нас действительно растет, индонезийцы его очень любят, хотя на европейский вкус... – тут Сукарно замешкался, подыскивая нужное слово, не нашел его и с улыбкой закончил: – Что касается автора книги, которую вы читали, то у него, видимо, очень богатое воображение. Если хотите попробовать дурьян, на Бали можно будет все устроить, но только под вашу ответственность.

Резиденция президента Сукарно на острове, точнее островке Бали, приткнувшемся с юга к большому столичному острову Ява, находилась в горах. Там не так допекает тропическое солнце. Несколько одноэтажных легких строений укрылись в тени огромных фикусов-баньянов. Между домами зеленел аккуратно подстриженный голландский газон – наследие колониальных времен.

Во второй день пребывания на Бали уже с утра члены делегации начали настороженно принимать, в доме из всех щелей сочилось легкое зловоние, хорошо знакомый запах сероводорода, подгнившего мяса вкупе с подтухшими яйцами. С каждой минутой запах лез в нос все настойчивее, но приходилось терпеть. Кто знает, что у хозяев случилось? Один я догадывался, в чем дело. В книге об Уоллесе говорилось, что запах дурьяна слегка отдает тухлятиной. Запах тем временем крепчал, заполнил весь дом и даже на лужайке перед резиденцией довольно сильно паховало. Энтузиазма у меня поубавилось.

Наконец настало время обеда. На открытой террасе за длинными столами расположилась делегация вперемешку с хозяевами. Рядом с отцом, как обычно, сидел Сукарно. Моим соседом оказался Адам Малик, в то время посол Индонезии в Советском Союзе. Он неплохо говорил по-русски. На первое подали черепаховый суп, но ели его мы с трудом. В горло лезла становящаяся почти невыносимой вонь. После супа принесли наперченную до невозможности жареную и тем не менее очень вкусную курицу. Запахло еще сильнее. Наконец подошло время десерта. Сукарно торжественно объявил, что по просьбе гостей нам подадут национальное индонезийское блюдо – дурьян, это фрукт, и как раз сейчас наступил его сезон.

Официанты разнесли тарелки, на каждой лежала четвертушка плода, кремовой мякоти дурьяна по консистенции напоминающей сильно подтаявшее мороженое. Ну а запах? О нем я уже все сказал. Я храбро вонзил ложку в мякоть и, задержав дыхание, поднес ее ко рту, предвкушая изысканный вкус: смесь земляники, банана и еще чего-то божественного. Не тут-то было! Вкуса вообще я не ощутил, все забил запах тухлых яиц, а по консистенции мякоть дурьяна напомнила мне разваренную до кашеобразного состояния гнилую головку лука. Я сделал усилие и проглотил первую ложку. Слизкая консистенция провалилась в желудок, но привкус тухлого яйца во рту остался. Вот тебе и райский фрукт! Сидевший справа от меня Малик с аппетитом зачерпывал дурьяновую мякоть. Так же вели себя и остальные хозяева. Гости сидели в недоумении. Одни отставили тарелки с десертом от себя подальше, другие

неуверенно ковырялись в дурьяне. Только отец, не поморщившись, отправлял в рот ложку за ложкой. В чужих краях он неукоснительно придерживался правила вежливости, предписывавшего не пренебрегать местными обычаями, чтобы ненароком не обидеть хозяев. Я решил следовать примеру отца, пересилил себя и приготовился к приему следующей порции. Ведь именно я заварил всю эту дурьяновую кашу. Но, видимо, я только себе казался молодцом. В момент, когда я зачерпнул дурьян во второй раз, Малик мельком глянул на меня и, участливо наклонившись к уху, прошептал, что ему кажется мне уже довольно десерта. Я не противился – действительно хватит.

Вскоре стол опустел. Официанты унесли почти нетронутые тарелки гостей и опустошенные тарелки хозяев. Весь вечер мы не могли избавиться от дурьянового запаха и привкуса во рту. Но на этом история с дурьяном не закончилась.

Ежедневно самолетом из Москвы доставляли почту, назад самолет летел практически порожним. Отец распорядился отправить в Москву членам Президиума ЦК по корзине местных экзотических фруктов, в том числе и дурьян, пусть полакомятся. Тогда мы его еще не распробовали. Заодно отец передал по гостинцу своим давним и хорошим знакомым: премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру (наш самолет по дороге в Индонезию останавливался в Индии) и королю Афганистана Мухаммеду Захир Шаху (отец намеревался навестить его в Кабуле на обратном пути).

По пути домой мы на день задержались в Дели. При встрече с отцом благовоспитанный Неру, поблагодарив за фрукты, о дурьяне даже не упомянул. Когда мы прилетели в Кабул, король посетовал, что нежные фрукты плохо перенесли перевозку, один даже вконец испортился. Отец не стал его разубеждать.

По возвращении в Москву все вместе всласть посмеялись над дурьяновой эпопеей, а Брежнев в сотый раз пересказал анекдот о Василии Ивановиче, который вот так же, как они, не разобравшись, красную икру принял за протухшую клюкву.

Рассказанные мною истории отдают анекдотом. Я было засомневался, стоит ли о них писать? Но все-таки написал.